

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.4

Лингвистическая характеристика и значимость кяхтинского языка

© Гун Лэй¹, М. В. Долгополова², О. П. Касымова^{3*}

¹Юго-Западный Нефтяной Университет
Китай, Сычуань, 610500 г. Чэнду, проспект Шинду, 8.

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, улица Октябрьской
революции, 3а.

³Уфимский университет науки и технологий
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: olgakasytova@yandex.ru

В статье рассмотрены лингвистические особенности и статус кяхтинского языка, который считается явным результатом русско-китайского языкового контакта. Основные результаты исследования заключаются в том, что определена эволюция кяхтинского района и факторы, влияющие на нее (политические, географические, исторические и социальные) начиная с 1727 г. Выявлены причины образования кяхтинского языка (кяхтинский пиджин), который, по сути, является разновидностью русского языка, возникшей под влиянием китайского и монгольского языков. С точки зрения фонетики и грамматики, он является китайским языком. С точки зрения лексики, он включил в себя не только собственно заимствованные слова из русского и китайского языков, но и слова-кальки, а также словообразовательные средства этих языков, что отражает особенности лингвокультуры языков-доноров. С точки зрения орфографии отмечается нестабильность его письменной формы и отсутствие буквы ъ (er). Определена значимость кяхтинского языка: в теоретическом аспекте его изучение обогащает русскую филологию, предоставляет материал для изучения истории, экономики, социальных отношений, географии. В практическом аспекте он содействовал взаимопониманию русского и китайского народов и обеспечил российско-китайское деловое и культурное взаимодействие. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней системно представлена лингвистическая характеристика кяхтинского языка. Также в исследовании русско-китайского двуязычного контакта с помощью традиционных методов включен анализ влияния монгольского языка в качестве языка-посредника, чтобы более полно и глубоко изучить кяхтинский язык. Цель статьи заключается в том, чтобы, используя соответствующие данные, описать статус русско-китайских языковых контактов в XVIII–XX вв., а также предоставить справочные материалы для современных междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: кяхтинский язык, языковые контакты, рост аналитизма в языке, пиджин.

В течение 200-летнего существования (с XVIII по XX век) Кяхта внесла важный вклад в развитие российско-китайских отношений в качестве центра приграничной торговли. В свою очередь, кяхтинский язык, который стал общественным и торговым коммуникативным инструментом в районе Кяхта и широко употреблялся на реке Амур в XIX–XX вв., является символом важнейших результатов русско-китайских языковых контактов. Кяхтинский язык еще называется кяхтинским пиджином, так как он строился на основе лексики русского языка под

глубоким влиянием фонетики, лексики и грамматики китайского (порой монгольского) языка и сыграл важную роль в качестве средства народных коммуникаций. С течением времени местоположение и статус города Кяхта менялись несколько раз, на это влияли разные социальные и исторические причины, однако кяхтинский язык и его следы, оставленные на протяжении всей истории русско-китайских языковых контактов, считаются неизгладимыми. Теоретическую базу нашей работы составляют российские и китайские работы о кяхтинском языке Ма На (2013) [7], Цзян Ин и Ли Синь (2020) [10], О. Соколовской (2012) [9] (написана на китайском языке), С. И. Черепанова (1853) [11], Н. Я. Бичурина (1991) [1], А. А. Шушариной (2011) [13], Н. А. Ждановой (2016) [4], И. Ф. Поповой и Таката Токио (2017) [8], А. А. Бурыкина (2019) [2] и др. Названные выше исследования в основном описывают языковые особенности кяхтинского пиджина и представляются довольно фрагментарными, тем более что большая их часть ограничивается изучением кяхтинского пиджина в контексте русско-китайского двуязычного контакта, игнорируя посредническое участие монгольского языка. К тому же исследования китайских ученых более сосредоточены на истории приграничной торговли в кяхтинском районе и истории китайско-российских отношений. Что же касается кяхтинского языка как важного коммуникативного инструмента в этом процессе, то в этих работах он, к сожалению, рассматривается редко или поверхностно. Актуальность работы заключается в том, что с развитием российско-китайских как народных, так и официальных взаимоотношений в новую эпоху, особенно при российской стратегии «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» (2011) и предложении китайской концепции «Один пояс, один путь» (2010-е гг.), в дальнейших контактах кяхтинский язык может быть важным примером и дать нам необходимую информацию. Таким образом, задачи данной работы – прояснить эволюцию города Кяхта и кяхтинского языка, определить лингвистические характеристики кяхтинского языка, а также обобщить его теоретическую и практическую значимость. В статье используются такие методы, как сопоставительный, сравнительно-исторический, дедуктивный и индуктивный, чтобы системно интегрировать лингвистические характеристики кяхтинского языка и дополнить вышеупомянутые исследования. Значимость нашей работы заключается в том, что в ней углубляется представление о русско-китайском языковом взаимодействии, а также оказывается языковая поддержка в употреблении и подтверждении краеведческих и исторических материалов России и Китая.

Кяхта как исторический центр российско-китайской приграничной торговли.

Город Кяхта, расположенный на севере приграничной зоны России и Монголии, завершает «Древний торговый путь Чжанцзякоу-Кулунь (ныне Улан-Батор) – Кяхта» и «смотрит» на нынешний монгольский город Алтан-Булак (быв. Маймачен/Маймачень, 买卖城, город купли-продажи) на южном берегу [10]. В 1727 г. на месте современного города Кяхта российским дипломатом С. Л. Рагузинским-Владиславичем была построена Троицкая крепость. Согласно «Кяхтинскому договору» между Китаем и Россией, в 1728 г. граница двух стран была определена Кяхтинским районом, на северном берегу на месте крепости было основано поселение Кяхта, а на южном берегу Китай перестроил новый торговый городок Маймачен. До 1934 г. город Кяхта также был известен как Троицкосавск и являлся центром российско-китайской приграничной торговли до XX в.

Город Кяхта был построен вдоль реки Кяхты и получил от нее свое название. Название «Кяхта» было заимствовано из бурят-монгольского языка, его оригинальная форма – «Хяагта хото», производное от бурят-монгольского *хяаг-та*, *хяаг* означает «пырей», *-та* представляет

собой суффикс имени прилагательного, а *хото* означает «поселение, город», так что первоначальное значение «Хяагта хото» на бурят-монгольском языке – «пырейный город». Конечно, отдельные источники, в том числе китайский журнал «Китайская государственная история» (2020), принимают это название за русское слово в значении «место, где есть чай», что, очевидно, получилось не в результате строгого этимологического атрибутирования, а из-за того, что город Кяхта являлся столицей мировой чайной торговли. Исторические и географические особенности города Кяхта послужили причиной смешения в нем китайских, русских и монгольских жителей, что способствовало процветанию в нем приграничной торговли, а также повлияло на язык местного населения. В результате для коммуникации в сфере международной торговли и возник кяхтинский пиджин. Языковой основой для него стал русский язык, находившийся под сильным влиянием китайского языка, а в некоторых случаях в качестве языка-посредника использовался монгольский язык.

Как мы уже отметили, кяхтинский язык представляет собой пиджин, возникший в результате общественных и деловых коммуникаций между Россией и Китаем (в то время Российской империей и династией Цин). В кяхтинском пиджине использовались преимущественно русская лексика и китайская грамматика, то есть грамматика аналитического типа [13, с. 173]. По мнению С. И. Черепанова [11, с. 370], кяхтинским языком первыми начали пользоваться китайские торговцы из Маймачена, поэтому он имеет типичные особенности китайского языка. Позже кяхтинский язык широко распространился в речи русских купцов по всему Приамурью, а также по Дальнему Востоку и Сибири. В то время кяхтинский язык стал языком коммуникации для общественных, деловых и даже иногда политических взаимоотношений народов на российско-китайской границе. Так что можно сказать, что кяхтинский язык – это социализированная разновидность русского языка.

В связи с тем, что живой разговорной практики употребления кяхтинского языка уже нет, мы можем исследовать его только с помощью языкового материала, приведенного в работах С. И. Черепанова [11], Н. Я. Бичурина [5] и словарях И. Ф. Поповой и Таката Токио [8]. Так, на основе этого материала мы выделили следующие лингвистические характеристики кяхтинского языка.

1) На **фонетику** кяхтинского языка значительное влияние оказали китайские языковые стереотипы, особенно в области консонантизма и слоговости. В отличие от русского языка, современные китайские согласные звуки преимущественно являются глухими, и вместо противоположения по звонкости-глухости (как в русском языке) они имеют противоположение по придыхательности-непридыхательности. К тому же русский дрожащий согласный [р] сложен для китайцев, вместо него китайцы часто выговаривают латеральный [л] или смычно-дрожащий [-r] в конце слога, поэтому в кяхтинском пиджине часто встречается чередование согласных звуков: например, название «Красноярск» в кяхтинском языке произносится как «Гэласыеуйярсыкэ» [8], где четко прослеживаются чередования г//к и л//р. Кроме того, в китайском языке слоги преимущественно открытые, закрытый слог встречается лишь тогда, когда в конце слога находятся сонорные звуки [-n], [-ng] и [-r]. Таким образом, в многосложной русской лексике кяхтинского языка при наличии нескольких согласных подряд или закрытых слогов, оканчивающихся другими согласными, между согласными или после конечного согласного добавляются гласные: например, г(< к)//гэ, с//сы и к//кэ в «Гэласыеуйярсыкэ», *прошу – порошу и шампанское – ша-ма-па-не-се-ки* [4, с. 371]. На слоговость кяхтинского языка также оказал сильное влияние китайский язык. Во-первых, каждый слог произносится

отдельно, как в китайском языке, например, *мо-ло-ко* и *хо-ро-шо*; во-вторых, в отличие от подвижного ударения русского языка, ударение кяхтинского языка в основном расположено в среднем слоге, а именно – *жарéко*, *дурáки* и др. [11, с. 371, 373].

2) **Грамматика** кяхтинского языка сильно упрощена: морфологических изменений у слов практически нет, явно выражены черты аналитизма, например: *Иванова-дома сѣпасибо* (*благодаря Иванову дому*), *за твоя погули надо* (*идти к тебе в гости*) [11, с. 371, 374] и знаменитая фраза «моя твоя, понимай нету» (*я не понимаю тебя*) [5] и др. Исходя из материалов заметок С. И. Черепанова (1853) можно обобщить следующие грамматические характеристики кяхтинского языка:

а. **Имена существительные**, оканчивающиеся на -ъ (ер) по старым нормам орфографии русского языка до революции, при китаизированной фонетической компенсации меняют окончание на -а: например, *дома* – *домъ*, *года* – *годъ* и *закона* – *законъ* [11, с. 371, 372, 375], за исключением только несколько общепринятых форм, таких как *люди* (< *людъ*) [11, с. 375], часто употреблявшихся во множественном числе. К тому же в кяхтинском языке все существительные имеют только форму именительного падежа единственного числа без других морфологических форм.

б. **Имена прилагательные в основном** представлены в усеченной форме: *хорошанеки* – *хорошенький*. Качественные прилагательные часто употребляются в уменьшительно-ласкательной форме, например: *черенѣки* – *черный*, *красеньки* – *красивый* и *синеньки* – *синий* [11, с. 373]. На относительные прилагательные (*завтрашний день*, *первый товар*, *медвежья кожа*) влияют их китайские эквиваленты «明日», «首单», «熊皮» и т.д. В китайском языке иероглифы 明 (*завтрашний*, *завтрашний день*), 首 (*первый*, *глава*) и 熊 (*медвежий*, *медведь*) имеют значения как прилагательного, так и существительного, в результате чего оригинальное определение части речи вышеуказанных русских прилагательных также становится неясным: *завѣтѣра-день* (*завтрашний день*), *перѣва-товара* (*первый товар*), *медведеди-кожа* (*медвежья шкура*) [4], то есть прилагательные приобретают функции и особенности существительных. Что касается сравнительной и превосходной степени имен прилагательных, то они полностью заимствуют аналитическую структуру китайского языка, теряя первоначально простые формы русских слов и образуя новые составные формы с помощью добавочных слов *лучеше* (< *лучше*) и *шипики*- (< *шибко*), например, *лучеше-бѣленьки* и *шипики-бѣленьки* и т.д. [11].

в. **Имена числительные** в кяхтинском языке не подразделяются на количественные и порядковые, как в русском языке, а представляются одинаково, то есть в единой количественной форме: *одина*, *дува*, *тери...* *десяти*, *одинацати*, *дуванацати...* *двацати...* *пятидесяти...* *сота* (*сто*), *тысяча* и *миліона* [11], что может быть связано со влиянием китайских числительных. Интересно, что в то время еще не было понятий «ноль» и таких больших чисел, как «биллион» и «миллиард», что, в частности, доказывает, что кяхтинский язык употреблялся чаще всего в практической торговле между купцами.

г. **Глаголы** кяхтинского языка не имеют морфологических форм и делятся только на три категории по окончанию. Первая категория обусловлена влиянием монгольского языка как языка-посредника, глаголы данной категории имеют монгольское окончание -ху, например, *пить* – *пиху* и *кушать* – *кушаху* [11]. Во второй категории глаголы сохраняют только форму повелительного наклонения совершенного вида второго лица единственного числа с приставкой *по-*: *погули* (*гулять*) и *погоруй* (*торговать*) [11]. Третья категория – это глаголы с суффиксом -ся в русском языке, но в кяхтинском варианте суффикс -ся заменяется на -иза по

аналогии с китайским произношением, например, *подериза (подерутся)* [11]. Стоит отметить, что все перечисленные выше глаголы и их характеристики можно назвать специфичными и уникальными, так как все словоформы даются как случайные фиксированные употребления, а общего принципа регуляризации нет. Таким образом, *кушаху* нельзя заменить на *покушай*, а *ходиза* на *ходи* или *сходи*. К тому же у глаголов кяхтинского языка отсутствуют категории вида, наклонения и залога, остается лишь категория времени, что выражается добавлением вспомогательных глаголов *было*, *еса* и *буду* после глагола для прошедшего, настоящего и будущего времени соответственно. Категории лица и рода также отсутствуют. Например, *кушаху было* (*кушал, кушала, кушало, кушали*), *кушаху еса* (*кушаю, кушаешь, кушают*), *кушауду буду* (*буду кушать, будешь кушать, будут кушать*). Причастий и деепричастий в кяхтинском языке нет.

д. Притяжательные и личные **местоимения** в кяхтинском языке объединены притяжательными формами, такими как *я – моя, ты – твоя/тиби, он – ево* (там же) и др., а морфологические изменения местоимений выражаются дополнительной приставкой *за-* перед притяжательным местоимением вне зависимости от значения: например, *за-моя* (*мой, ко мне, у меня*), *за-его* (*его, к нему, им*) [11] и т.д. Возвратные и вопросительные местоимения выражают различные морфологические значения в единичных неизменяемых формах *сама/сиби* (*себя, о себе*) и *чей* (*чей, у кого, к кому, от кого*) [11].

е. **Наречия** благодаря своей морфологической неизменяемости в кяхтинском языке отличаются от соответствующих им наречий в русском языке лишь своими фонетическими и орфографическими формами: *шибико – шибко* и *тама – тамъ* [11, с. 374].

ж. **Предлоги**, как отмечает С. И. Черепанов, состоящие из согласного и *ъ* (*ер*), либо заменяются на единый предлог *за*, как *за наша фуза* (*в нашей лавке*), либо на необходимое по смыслу наречие, как *дома на верха* (*над домом*) [11]. Под влиянием китайского языка, который по сравнению с русским представляется более экспрессивным в разговорной речи благодаря использованию разных междометий, кяхтинский язык заимствовал различные китайские **междометия**, употребляемые до сих пор: *хао* (*хорошо, браво < 好*) и *оо* (*вот оно! < 哦呦*). **Союзы**, играющие в русском языке очень большую роль, к сожалению, за исключением союза *али* (*или*) отсутствуют в кяхтинском языке в связи с тем, что в синтаксисе китайского языка нет сложноподчиненных предложений.

3) **Лексическая** основа кяхтинского языка, несомненно, представляет собой социализированный вариант русского языка, но также вбирает в себя большое количество китайских и монгольских слов, например, таких как *фуза* (*лавка*) и *адали* (*точно*) [11, с. 372], и порождает множество новых слов и выражений, заимствованных из китайской лингвокультуры, таких как *язык-меда* (< 蜜语) – *красноречие*, *рука-сапоги* (< 手套) – *перчатки*, *соли-повъси* (по старому китайскому похоронному обычаю, после смерти человека, должны посыпать труп солью) – *умер* и т.д. [11, с. 372]. Очевидно, что это уже не только лексическое заимствование, но и имитация словообразовательных средств и даже национальных лингвокультур, то есть вышеуказанные лексемы можно назвать кальками и экзотизмами. Данный феномен также доказывает, что кяхтинский язык является пиджином не только на фонетическом или лексическом уровнях, а на глубинном семантическом уровне. Интересно, что в упомянутом выше выражении *Иванова-дома сѣпасибо* (*благодаря Иванову дому*) литературный предлог *благодаря* заменяется на разговорное *сѣпасибо* (*спасибо*), что говорит о том, что носители кяхтинского языка недостаточно владели нормами русского языка. Кроме того, в «Словарь кяхтинского пиджина» И. Ф. Поповой и Таката Токио [8] включены такие слова, как *халадухэ – радуга* [8,

с. 223], *елиси – рысь* [11, с. 240], *мернуй – медный* [8, с. 184] и другие специальные слова, происходящие из русского языка, которые А. А. Бурыкин назвал «неожиданными оформлениями русских слов» [2, с. 198]. На наш взгляд, сочетания *хала-*, *е-* и *-уй* в этих словах указывают на то, что, вероятно, на эти формы значительное влияние оказала фонетика монгольского языка. Эти явления также доказывают, что кяхтинский язык – не только результат двуязычного контакта между китайским и русским языками, монгольский язык также играет важную роль языка-посредника, что представляет собой еще одну характеристику кяхтинского пиджина.

4) **Орфография** кяхтинского языка была нестабильна, что связано с его фонетической нестабильностью, поскольку кяхтинский язык в основном употреблялся в форме устной речи, а письменные записи делались специально для научно-исследовательских целей: например, *женушки/женушеки*, *ниту/нъту*, *кака/како* и др. [11, с. 374–375]. Буква *-ъ* (ер) в конце слова (по старой орфографии), как мы уже отмечали, в основном была заменена на *-а*, например, *кака – какъ* и *года – годъ* [11, с. 372], что также отражает влияние китайской фонетики на кяхтинский язык.

Исследование кяхтинского языка имеет теоретическое значение и практическую значимость не только в лингвистике, но и в других областях знаний.

Теоретическое значение кяхтинского языка состоит в том, что он обогатил русский язык и русское языкознание, так как предоставил ученым основу для понимания русско-китайских языковых контактов и для изучения ранних экономических и торговых отношений между Россией и Китаем. К тому же кяхтинский язык имеет определенную ценность для краеведения и ономастики. Так, можно обратить внимание на уже приводимый нами пример из работы И. Ф. Поповой и Таката Токио [8]. Название Красноярск в кяхтинском языке звучит как «Гэласыеуйярьсыкэ»: с фонетической и словообразовательной точек зрения, кажется, что *красно-* поменяли на *красивый-* (красно – *гэласыеуй*). Иначе говоря, первоначальная русифицированная форма этого слова в кяхтинском языке могла быть *Красивый ярск* (< *Красный Ярск*), что соответствует историческому названию этого города, которое с середины XVII в. звучало как «Красный Яр» [3]. Таким образом, этимология слова *красивый*, которое, как известно, является производным от слова *красный*, поддерживается данной формой китаизированного русского наречия.

Также кяхтинские названия китайского приграничного города Хайлар звучат как «Гэсугор» и «Ксокор» [8]. А. А. Бурыкин пишет, что конкретное местоположение Косогорского острога, построенного русскими на реке Амур в XVII в., все еще под сомнением, поскольку слово «Косогор», как название места, указывает на озеро Косогол (монг. Хубсугул) в нынешней Монголии в записях многих российских географов [2, с. 198].

Практическая значимость кяхтинского языка заключается в содействии коммуникации и взаимопониманию между русским и китайским народами, расширению ранних российско-китайских народных деловых и культурных контактов и развитии языкового образования в России и Китае. Будучи общим инструментом общения для российских и китайских народов XVIII–XX вв., кяхтинский язык преимущественно имел коммуникативную функцию в деловой, бытовой и иногда политической сферах, и, поскольку он употреблялся в основном купцами, в нем не значительно развиты языковые нормы, а акцент делается на практическое применение. К сожалению, по особым историческим и политическим причинам город Кяхта ушел с исторической сцены после Маймаченской войны между советско-монгольскими союзными армиями и китайскими бэйянскими войсками в 1921 г., в результате чего кяхтинский язык также практически прекратил существование с первой половины XX в., но, по свидетельству

Чжан Вэй, фактически еще в 1990 г. на базаре в Улан-Баторе некоторые китайские бизнесмены старшего возраста все еще использовали кяхтинский пиджин в своей работе и в общении с местными жителями [12].

Таким образом, обобщение информации об истории кяхтинского района, анализ происхождения кяхтинского языка, определение языковых особенностей кяхтинского языка и его значимости позволяют сделать следующие **выводы**:

1. История города Кяхта тесно связана с эволюцией ранней российско-китайской приграничной торговли. Субъективные и объективные предпосылки развития кяхтинского языка заключаются в установлении границ современных национальных государств, необходимости международных многосторонних контактов и условий для приграничной торговли между русским и китайским народами.

2. Как наиболее важный результат русско-китайских языковых контактов, кяхтинский пиджин является разновидностью русского языка, на которую значительно повлиял китайский язык в фонетическом, лексическом, словообразовательном и грамматическом аспектах. В некоторых случаях в качестве языка-посредника в процессе русско-китайских языковых контактов также используется монгольский язык. Из-за своей преимущественно устной формы кяхтинский язык не всегда стабилен в письменном виде.

3. Изучение кяхтинского языка имеет теоретическое значение и практическую значимость не только в филологии, экономике и социологии, но и в краеведении и ономастике.

本文受西南石油大学人文社科专项基金项目(“我国俄语历史语法研究嬗变考” 22XJC740001)资助, 系其成果之一。 文章准备于支持下 基金会 人文社会科学 公共社会科学 西南石油大学 (KHP) «Эволюция изучения исторической грамматики русского языка в Китае» №. 22XJC740001.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220653).

Литература

1. Бичурин Н. Я. Письма, опубликованные в «Литературной газете». Письма, опубликованные в «Московском телеграфе» // *Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, **1991**. 350 с.
2. Бурыкин А. А. Словари кяхтинского пиджина // *Россия и АТР*. **2019**. №3. С. 196–198.
3. Быконя Г. Ф. *Андрей Дубенский – основатель Красноярска*. Красноярск: Тренд, **2008**. 159 с.
4. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах (на материале речи китайского этнолекта): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, **2016**. 147 с.
5. Костырко В. «Моя твоя понимай нету», и Почему так важно оправдывать доверие // *Российский журнал*. **2013**. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Moya-tvoaya-ponimaj-netu-ili-Pochemu-tak-vazhno-opravdyvat-doverie>.
6. 恰克图-万里茶道的中转站. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2021/06/24/031529827.shtml>.
7. 马娜. 语言接触与文化交融. 兰州大学硕士学位论文. 2013 年, 101 页.
8. Попова И. Ф., Таката Токио. *Словари кяхтинского пиджина*. М.: Наука, **2017**. 603 с.
9. 奥丽佳. 汉俄语言接触研究. 黑龙江大学博士论文. **2012**. 188 页.
10. 姜莹、李昕. 浅析中俄边境城市现代俄汉皮钦语 // *黑河学院学报*. **2020**. №9. 109–112 页.
11. Черепанов С. И. Кяхтинское китайское наречие русского языка // *Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности*. **1853**. Т. 2. Вып. 10. С. 370–377.
12. 张伟 编译. 语言融合繁荣 俄语是个“大家族”. 2017 // *俄罗斯龙报* [网站]. URL: https://m.sohu.com/a/157402003_290563.
13. Шушарина А. А. *Введение в славянскую филологию: учеб. пос.* М.: ФЛИНТА, **2011**. 302 с.

Поступила в редакцию 24.11.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.4

Linguistic characteristics and significance of the Kyakhta language

© Gong Lei¹, M. V. Dolgopolova², O. P. Kasymova^{3*}

¹Southwest Petroleum University
8 Xindu Avenue, 610500 Chengdu, Sichuan, China.

²M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University
3a Oktyabrskoi Revolutsii Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

³Ufa University of Science and Technologies
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: olgakasymova@yandex.ru

The linguistic characteristics and significance of the Kyakhta language, which seems to be the most typical result of Russian-Chinese language contact, are investigated. The main results of the study: 1. The evolution of the Kyakhta region and the factors influencing it were determined: The Kyakhta region was approved after the conclusion of the “Kyakhta Treaty” in 1727. In the XVIII–XX centuries, this area was the most important center of border trade between Russia and China. The prosperity of the Kyakhta region continued until 1921, when the “Maimachen War” began between the USSR, Mongolia and China. Thus, the development of the area was influenced by political, geographical, historical and social factors; The reasons for the formation of the Kyakhta language and its linguistic characteristics are revealed: for the first time, the Kyakhta language began to be used by Chinese merchants, and gradually spread throughout the region and for everyone. The Kyakhta pidgin arose as a result of the need for communication between representatives of the Russian and Chinese people participating in trade and interacting in everyday and business life. The Kyakhta language is essentially a variety of the Russian language, heavily influenced by the Chinese and Mongolian languages. From the point of view of phonetics, in addition to individual sinicized alternations, it mainly has the syllabism of the Chinese language and a fixed stress. From the point of view of grammar, it is analytical like the Chinese language, there are few morphological changes in it, parts of speech are formed under the influence of Chinese and Mongolian languages. From the point of view of vocabulary, it included not only borrowed words from Russian and Chinese, but also tracing words, as well as derivational means of these languages, which reflects the linguistic cultures of the donor languages. From the point of view of spelling, the absence of the letter Ъ and the instability of its written and literary forms are noted; 3. The significance of the Kyakhta language is determined: in a theoretical aspect, its study enriches Russian philology, provides reference assistance in the study of historical, economic, social, geographical and interdisciplinary sciences. In a practical aspect, he promoted communication and mutual understanding between the Russian and Chinese peoples and ensured Russian-Chinese business and cultural interaction. The scientific novelty of the article lies in the fact that the linguistic characteristics of the Kyakhta language are systematically structured in it. Also, using traditional methods, an analysis of the influence of the Mongolian language as an intermediary language is introduced into the study of Russian-Chinese bilingual contact in order to more fully and deeply study the Kyakhta language. The purpose of the article is to describe the status of Russian-Chinese language contacts in the XVIII–XX centuries, using the relevant linguistic data, as well as to provide reference materials for modern interdisciplinary research and to predict the directions and prospects of modern Russian-Chinese language contacts.

Keywords: Kyakhta language, language contacts, the growth of analyticism in language, pidgin.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220653).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Gong Lei, Dolgopolova M. V., Kasymova O. P. Linguistic characteristics and significance of the Kyakhta language // *Liberal Arts in Russia*. **2022**. Vol. 11. No. 6. Pp. 435–443.

References

1. Bichurin H. Ya. *Radi vechnoi pamyati: Poeziya. Stat'i, ocherki, zametki. Pis'ma*. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, **1991**.
2. Burykin A. A. *Rossiya i ATR*. **2019**. No. 3. Pp. 196–198.
3. Bykonya G. F. *Andrei Dubenskii – osnovatel' Krasnoyarska [Andrey Dubensky – founder of Krasnoyarsk]*. Krasnoyarsk: Trend, **2008**.
4. Zhdanova N. A. *Sovremennyi russko-kitaiskii pidzhin Zabaikal'ya v strukturno-sistemnom i kommunikativnom aspektakh (na materiale rechi kitaiskogo etnolekta): dis. ... kand. filol. nauk*. Ulan-Ude, **2016**.
5. Kostyrko V. *Rossiiskii zhurnal*. **2013**. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Moya-tvoya-ponimaj-netu-ili-Pochemu-tak-vazhno-opravdyvat-doverie>.
6. Qia4 ke4 tu2 – wan4 li3 cha2 dao4 de zhong1 zhuan3 zhan4. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2021/06/24/031529827.shtml>.
7. Ma3 na4 . Yu3 yan2 jie1 chu4 yu3 wen2 hua4 jiao1 rong2. Lan2 zhou1 da4 xue2 shuo4 shi4 xue2 wei4 lun4 wen2. 2013 nian2, 101 ye4.
8. Popova I. F., Takata Tokio. *Slovari kyakhtinskogo pidzhina [Dictionaries of Kyakhta pidgin]*. Moscow: Nauka, **2017**.
9. Ao4 li4 jia1. Han4 e2 yu3 yan2 jie1 chu4 yan2 jiu1. Hei1 long2 jiang1 da4 xue2 bo2 shi4 lun4 wen2. **2012**. 188 ye4.
10. Jiang1 ying2 li3 xin1. Qian3 xi1 zhong1 e2 bian1 jing4 cheng2 shi4 xian4 dai4 e2 han4 pi2 qin1 yu3. Hei1 he2 xue2 yuan4 xue2 bao4. **2020**. No. 9. 109–112 ye4 .
11. Cherepanov S. I. *Izvestiya Akademii nauk po otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. **1853**. Vol. 2. No. 10. Pp. 370–377.
12. Zhang1 wei3 bian1 yi4. Yu3 yan2 rong2 he2 fan2 rong2 e2 yu3 shi4 ge4 “Da4 jia1 zu2”. **2017**. E2 luo2 si1 long2 bao4 [Wang3 zhan4]. URL: https://m.sohu.com/a/157402003_290563.
13. Shusharina A. A. *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu: ucheb. pos. [Introduction to Slavic philology: textbook]*. Moscow: FLINTA, **2011**.

Received 24.11.2022.